

ПРАВЫЕ ПРОТИВ СТОЛЫПИНА: ОЦЕНКА ТРАДИЦИОНАЛИСТАМИ СТОЛЫПИНСКОЙ ПРОГРАММЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Излагается позиция правых партий России начала XX в. относительно столыпинской программы модернизации экономики. На материале печатных изданий партий российского традиционализма доказывается, что их агитационно-пропагандистская деятельность заключалась в критике наиболее уязвимых аспектов программы модернизации экономики и формировании негативного общественного мнения; по мнению автора статьи, это сыграло не последнюю роль в неприятии обществом столыпинского варианта модернизации России.

Ключевые слова: правые партии; реформы П.А. Столыпина; общественное мнение.

Российская модернизация начала XX в., форсированная и направляемая сверху, стимулировала появление новых форм политической активности, дав толчок полемике по вопросам преобразований не только на уровне институтов государственной власти, но и в обществе [1]. «Для суждения о том, как общество и народ отнеслись к политике нынешнего министерства, нужно будет подождать реакции на нее со стороны настоящих политических партий, действующих на выборах в Государственную Думу и представляющих собою организации, раскинутые по всей стране», — писал печатный орган конституционно-демократической партии газета «Речь» [Там же].

Идеологи традиционализма были убеждены в том, что Россия самодостаточна и должна развиваться по собственному национальному пути, поэтому следует отказаться от искусственного втягивания ее в общеевропейский цивилизационный процесс. В основу их деятельности были положены идеи, сформулированные еще в 40-е гг. XIX в. и узаконенные Николаем I как главные столпы официальной политики: православие, самодержавие, народность. Из крупнейших общенациональных политических формирований на указанных позициях в рассматриваемый период находились образованный в ноябре 1905 г. Союз русского народа, Союз имени Михаила Архангела, учрежденный в 1908 г. группой бывших членов СРН во главе с В.М. Пуришкевичем; Русская монархическая партия. Их отличительными чертами были пестрый социальный состав и одинаково негативное отношение как к правительственному либерализму, так и к радикализму революционизирующейся части общества. Весомую роль в консервативном лагере играл образованный на первом Съезде уполномоченных объединенных дворянских обществ в мае 1906 г. исполнительный орган — Постоянный Совет объединенных дворянских обществ России. Он являлся корпоративной организацией помещного дворянства главным образом южных и юго-западных губерний, не порвавшего еще с занятием сельским хозяйством.

На страницах своих печатных органов правые много места уделяли обстоятельному разбору реформ в области экономики и налоговой политики, которые, по замыслу П.А. Столыпина, должны были обеспечить высокие и стабильные темпы экономического роста, создать мобильную и эффективную инфраструктуру, рациональную финансовую, кредитную и налоговую системы.

Та форма капитализма, которая стала реализовываться в России после реформы 1861 г., особенно в период виттевской индустриализации, не устраивала тра-

диционалистов. Поощряя крупные формы промышленного производства, чиновничье-бюрократический аппарат игнорировал развитие средней, мелкой и особенно кустарной промышленности, наиболее ярко отражавшей специфику национального народного хозяйства. С этих позиций они вели борьбу против монополий, которые могли привести к деформации экономики страны: «У нас уже устраиваются синдикаты, тресты, стачки и забастовки, но крайне слабо развиты общества взаимопомощи, кооперативные предприятия, учреждения мелкого кредита, артели, товарищества, позволяющие мелкому и среднему промышленнику, торговцу, земледельцу и собственнику не только отстаивать свою экономическую самостоятельность, но и богатеть, увеличивать народное богатство, улучшить условия жизни для себя и для детей» [2. С. 223]. Отношение к самим капиталистам также было неоднозначным. С одной стороны, правые видели в них противника, который конкурировал с дворянином-помещиком за влияние и власть. С другой — союзника в борьбе с рабочим-социалистом, стремящимся экспроприировать средства и капиталиста, и помещика.

Двойственная оценка традиционалистами капитализма и капиталистов определила их неоднозначные оценки модернизации налоговой системы, предложенной П.А. Столыпиным. С одной стороны, была заявлена поддержка введения подоходного налога и изменения налога на наследство. Многие консервативные авторы указывали на полезность прямых налогов и обвиняли «крупные торгово-промышленные классы» в саботаже правительственных мероприятий [3. С. 157; 4. С. 24–27]. С другой стороны, прямые налоги рассматривались как покушение на собственность, влекущее за собой сокращение притока капиталовложений в экономику [5. С. 46–47, 50; 6. С. 117–118, 124, 154–155]. Так, К.Ф. Головин в докладе о подоходном налоге, прочитанном в начале февраля 1911 г. в русском собрании, отметил: «Министр финансов сам признает, что перенесение тяжести налогов на достаточные классы немислимо ввиду их недостаточной численности. Тем не менее министр финансов рекомендует введение подоходного налога ввиду его этического значения, но сохранение наряду с ним налогов реальных, т.е. падающих не на доход, а на капитал и на собственность. Это значит — с той же овцы снимают две шкуры» [7. С. 4].

Одни и те же печатные органы публиковали материалы как в защиту, так и против введения подоходного налога. «Земщина» обвиняла правительство, которое, не проявляя ни малейшей заботы о поднятии давно уже перенапряженной налогом способности населения,

вносит в государственную Думу проекты новых налогов, в том числе и подоходного прогрессивного налога. «Подоходный налог – кто же не знает, что это излюбленное измышление социалистов и революционеров, – пишет газета. – Конечно, если бы современное правительство было бы менее склонно к подражанию и следованию за общественной мыслью освободительного периода, а само, подобно князю Бисмарку, имело государственную творческую программу, то подобные законопроекты не угрожали бы стране» [8]. А спустя некоторое время, информируя читателей о рассмотрении проекта положения о государственном подоходном налоге в финансовой комиссии Государственной Думы, «Земщина» обвиняла октябристов в попытках провалить этот законопроект: «Во время прений все более и более выясняется оригинальное положение, занятое центром по отношению к вопросу о подоходном налоге. Октябристы, видимо, желают провалить этот проект, стараясь все время освободить от тяжести налога крупную промышленность и торговлю. Если такая тактика и объяснима с точки зрения жизненных интересов членов партии “17 октября”, имеющих близкие связи с промышленностью и торговлей, то ведь она не выдерживает никакой критики с точки зрения государственной пользы, заключающейся в справедливом распределении налоговых тягот на все население» [9].

По мнению газеты, только благодаря усилиям правых, поддерживаемых крайними левыми, законопроект не похоронен в этой комиссии и его рассмотрение продвигается. 1 января 1911 г. «Земщина» именovala введение подоходного налога «большим и бесспорно полезным преобразованием», а 10 февраля уже публиковала материал, характеризующий этот шаг как более радикальный, чем поземельный налог Генри Джорджа [10, 11]. Таким образом, оценка налоговых преобразований зависела от того, рассматриваются ли они в качестве угрозы всем собственникам или (особенно если речь шла о подоходном налоге) в качестве меры, задевающей в основном торгово-промышленные интересы. Как верно заметил исследователь М.Н. Лукьянов, «несмотря на признание родства между землевладельцами, торговцами и промышленниками, последние чаще всего не рассматривались в качестве столь же важного объекта защиты, как и землевладельцы» [12. С. 226].

В ряду важнейших мероприятий в области экономики судьбоносное значение имела предложенная П.А. Столыпиным аграрная реформа. Она вызвала неоднозначную оценку со стороны монархистов. Этот вопрос получил достаточное освещение в отечественной историографии. В первую очередь детальному анализу подверглись речи депутатов Третьей Государственной думы в ходе дебатов по аграрному вопросу, продолжавшихся с 23 октября 1908 г. по 8 мая 1909 г. Однако дебаты в Третьей думе, по мнению В.В. Леонтовича, «отчасти утрачивают интерес вследствие того, что правые никак не могли симпатизировать законопроекту, тем не менее, не хотели занять четкую позицию против него» [13. С. 274]. Учитывая обстоятельство историографической разработки данной проблемы в литературе, сосредоточимся на анализе материалов печатных органов партий российского традиционализма.

Поскольку любая критика правительственной политики означала оппозицию царю, так как за фигурой П.А. Столыпина стоял император, умеренно правые постарались сохранить нейтралитет, а в некоторых случаях даже высказывали поддержку правительственным начинаниям. С другой стороны, крайне правые встретили ее с нескрываемым негодованием. В первую очередь печатные органы традиционалистов выступили против насильственного разрушения общины. Закон 9 ноября 1906 г. получил следующую оценку «Вестника русского собрания»: «Полное игнорирование жизненного опыта, полное незнание земельного положения крестьянина и, наконец, полное неуважение к опыту самого крестьянина-землевладельца – вот основное положение землеустроительного проекта П.А. Столыпина. Характерная черта этого проекта – насилие канцелярии над жизнью» [14. С. 5]. По мнению Ивана Кашкарова, автора ряда статей под общим названием «Зачем обезземеливать крестьян?», опубликованных в «Русском знамени», уничтожение общины и личное землевладение породят пролетариев. Считая, что сохранение общинного землевладения искусственными и насильственными средствами ни в коем случае не допустимо, он также решительно выступает «против искусственного разрушения общины, которая и во многих светлых умах Западной Европы представляется идеальным экономическим строем, способным уничтожить или, по крайней мере, ослабить великое зло – пролетариат. Социализм Западной Европы додумался до полезности общины с внешней стороны, но он не признает самой сути ее, а она в религии, в чувстве родства и солидарности» [15].

В другом цикле статей, опубликованных в «Русском знамени» под общим названием «Следует ли уничтожать общину», Иван Кашкаров доказывает, что Россия находится в благоприятном положении для сохранения в ней общины, потому что «она страна православная и земледельческая, а также и самодержавная». Автор недоумевает, зачем понадобился жестокий опыт с отрубными участками: «Община на Руси всегда уживалась с личным землевладением и обеим формам возделывания полей, следует, по-моему, предоставить свободное развитие. Конечно, впоследствии, при свободе общины, и если русский народ не утратит свойственной ему самобытности, то она как продукт духовной и экономической жизни коренного населения империи, видоизменит, а отчасти и поглотит крупное землевладение. Этого можно ожидать, а препятствовать этому и грешно, и вредно для всех нас и для государства» [16]. «Ни один революционер не мог бы придумать более ужасного для жизни России, как придумала петербургская канцелярия, – заключал “Вестник русского собрания”». – Было бы более чем радостно, если бы Государственный Совет отринул бы этот закон, как прямо разрушающий жизнь русского народа и русского государства» [14]. Называя закон 9 ноября 1906 г. «безгранично вредным», «Вестник русского собрания» находит возможным избежать этих грядущих для России бедствий и достигнуть всех положительных сторон акта 9 ноября введением только одного положения, «чтобы крестьяне, выделившиеся на свой отдельный участок, не имели бы права ни продавать, ни закладывать его,

чтобы этот участок остался навсегда собственностью хозяина и его семьи. Вот это-то приковало бы крестьянина к земле и создало бы и для него и для России светлое будущее. Единственным изъятием из этого положения, ради уничтожения чересполосицы, можно было бы дать разрешение на обмен участков в среде своих односельчан» [17. С. 2].

Редактор «Вестника русского собрания» Г.Д. Данилов, не вдаваясь в критику самого Указа 9 ноября 1906 г. и приведя принципиальный взгляд Русского собрания на аграрный вопрос, заключающийся в «неприкосновенности собственности», отмечал, что в интересах и всего многомиллионного крестьянского населения, и в общегосударственных интересах было бы крайне желательно, даже необходимо, «...ввести в Закон 9 ноября 1906 г. еще две главные нормы: 1) установить предел дробимости между членами семьи собственной крестьянской как надельной, так и усадебной земли, и 2) сохранить за отдельными крестьянами-собственниками ту неотчуждаемость их и надельной, и усадебной земли, с находящимися на ней постройками, а также с необходимым для поддержания крестьянского хозяйства, инвентарем и движимостью, которая так долго и хорошо охраняла собственность общины от разных случайностей» [18. С. 1].

«Земщина» более сдержанна в своих высказываниях. Признавая разрушение общины причиной неизбежного увеличения числа безземельных крестьян, что, несомненно, явится большим бедствием, газета утверждает, что это лишь обратная сторона медали, но зато лицевая сторона имеет вполне жизненное значение: «Человек, приобретая в полную собственность небольшой клочок земли, весь целиком отдает ей свои силы и помыслы. Обрабатывая из года в год все тот же свой участок вполне самостоятельно, вне всякого давления сельского схода, который является тормозом интенсивного хозяйства, устанавливая общий севооборот, время запашки, унаваживания, снятия хлеба и т.п., у всякого собственника неминуемо разовьется любовь к своему клочку земли, как к своему детищу, и любовь к труду» [19].

Столь же сдержанными были и выступления правых депутатов в Государственной думе. Епископ Митрофан, депутат от Могилевской губернии, в своей речи от имени всей правой группы сказал: «Мы (то есть правые) рассуждаем так, если новая форма землеустройства жизненна... то она сама собой, в силу внутреннего превосходства вытеснит прежнюю, отжившую форму» [20. Стб. 132]. Один из руководителей Совета объединенного дворянства тульский помещик граф В.А. Бобринский, отметив, что «с точки зрения консерватора или либерала общину защищать нельзя», указал при этом на недопустимость резкого перехода к индивидуальному хозяйству без предварительного проведения землеустроительных мероприятий: «Пример Европы говорит, что прямо из общинного владения перейти на комассацию почти невозможно» [Там же. Стб. 191]. Еще один представитель фракции правых, член Союза русского народа, орловский помещик С.А. Володимиров отметил, что разработанный и проводимый по воле государя императора закон 9 ноября «направлен к тому, чтобы ввести право и гражданственность в крестьянскую среду», все же уверен, что «какое бы ни было

насилие над общиной будет иметь ненужные и вредные последствия» [20. Стб. 179, 183]. Эта позиция правых по отношению к аграрной реформе определялась их общим отношением к правительству, которое являлось выразителем воли императора. Не соглашаясь с принципиальными основами столыпинского аграрного законодательства и не оказывая поддержку правительственным начинаниям, традиционалисты заняли позицию нейтралитета. В большинстве своем они были уверены, что принудительное насаждение подворной собственности будет иметь отрицательные последствия, но старались высказываться об этом в мягкой форме или умалчивать о своей позиции. Единственным исключением было выступление подольского помещика И.И. Балаклеева, крайне правового депутата, который заявил, что указ 9 ноября «...явно нарушает то, что приобретено населением... и что со здоровой государственной точки зрения должно быть неприкосновенным» [Там же. Стб. 210]. Относительно его критического выступления емко заметил В.И. Ленин: «...простоватый Балаклеев наивно выразил этот общий дух всех правых речей» [21].

Однако если в выступлениях правых депутатов проявляются определенные лояльность и нейтралитет, то на страницах своих печатных органов традиционалисты, особенно правые, не стесняются в выражениях. Дубровинское «Русское знамя» помещает на своих страницах письмо крестьянина из с. Малые Крынки Кременчугского уезда, в котором автор высказывает опасения, что «высшие наши землеустроители, не имеющие никакого представления о настоящем положении деревни, устроят у нас не лучшую жизнь, а настоящий ад»: «Крестьяне кроме принятия на себя непомерно высокой платы за землю, должны будут затратить большие материальные средства и физический труд на сооружение хуторского поселения, что создаст для многих такую долговую петлю, которая может задуть многих домохозяев. Очутившись в безвыходном положении уже и теперь нравственно пошатнувшийся крестьянин волей-неволей сделается тогда не только вором, но и грабителем-разбойником, так как жизнь особняком ему в этом будет способствовать. Дети же хуторян, будучи удалены от села и школы, лишатся возможности получить какое-либо образование. Таким образом, хуторяне, удаленные от церкви и школы, за короткое время могут превратиться в буквальных зверей» [22].

Печатные органы правых, не отрицая значения индивидуального хозяйства для совершенствования агротехники и агрикультуры, внимание читателей акцентируют на вредных последствиях хуторского хозяйства для бытового и нравственного склада крестьянской жизни. «Но увидим ли мы на них счастливые лица? Услышим ли песни, трогающие душу? Увидим ли хороводы? Увидим ли дружную совместную работу артели воров, лихих людей? Сохранятся ли там свадебные обряды? – вот тревожные вопросы, которые невольно задаешь себе, стараясь заглянуть в неизвестное будущее», – высказывал тревогу «Вестник русского собрания» [23. С. 4]. «Русское знамя», касаясь вопроса о возможности поднять благосостояние крестьян переводом на хуторское хозяйство, утверждает, что «при проведе-

нии этой меры в жизнь примерно три четверти крестьянского населения, т.е. около 56 миллионов человек, останутся без земли, а следовательно, без крова, одежды и пищи» [24].

«Земщина», напротив, приведя примеры положительных результатов первых опытов самостоятельного хуторского и отрубного хозяйства и считая их «вполне отрадными» [19], дает весьма оптимистические прогнозы: «Дальнейшею задачей правительства и законодательных учреждений станет неминусом насаждение на землях личных собственников правильной сельскохозяйственной культуры. Когда этот вопрос будет разрешен вполне определенно, как разрешается “Положением о землеустройстве” вопрос создания класса мелких собственников, – не нужно быть пророком, чтобы предвидеть экономический успех нашего земельного законодательства» [25]. Таким образом, в лагере правых не было единства мнений относительно указа 9 ноября 1906 г., в большинстве своем они сохраняли позицию благожелательного нейтралитета, не признавая, однако, положительные перспективы столыпинского аграрного законодательства.

Не осталась без внимания и, соответственно, критики правых не менее важная составляющая столыпинской аграрной реформы – деятельность Крестьянского поземельного банка. Достаточно резко в статье «Зачем обезземеливать крестьян» высказался Иван Кашкаров: «По прочтении мною нового закона о выдаче ссуд под крестьянские наделы один практический земледелец, выслушав чтение, воскликнул: “Ну, теперь нам тужить нечего: в самом скором времени в России будет столько бездомных батраков, что окажется избыток рабочих рук, в которых мы теперь так нуждаемся”. Я возразил ему, что, может быть, рабочих дешевых рук мы не дождемся, а вместо оных следует опасаться увеличения числа громил, усиление смуты и умножение грабежей, при коих никакое хозяйство уже не будет возможно» [26]. По мнению того же автора, указ 15 ноября 1906 г., разрешавший выдачу ссуд из Крестьянского поземельного банка под залог наделных земель для расширения землевладения крестьян и улучшения их землепользования, не решит поставленную перед ним задачу, поскольку «этот кредит нужен только хитрым эксплуататорам торговцам, которые надеются при его помощи и землю в семьях купить, и выданные крестьянам ссуды от них выманить» [27].

По мнению правых, большинство крестьян, купивших при посредстве банка землю, оказались не в состоянии исправно пополнять срочные платежи, и земля была назначена в продажу с аукциона или же осталась за банком. «Русское знамя» делает весьма категоричный вывод о «полной бездарности (вернее, инородческой злоумышленности) тогдашнего правительства, признавшего в целом “земельный вопрос”». «Все эти вопросы целыми ворохами сочиняют только одни евреи, приурочивая их разрешение исключительно в свою пользу» [28]. Газета даже называет Крестьянский банк причиной крестьянских волнений: «Условия, при которых Государственный поземельный банк приходит на помощь при покупке крестьянами земель у помещиков, настолько тягостны, что они во многих случаях препятствуют мирному добровольному перемещению

земельных владений из рук владельцев в руки крестьян» [29]. На страницах «Русского знамени» несколько раз приводились примеры отказа крестьянам, заключившим сделку на покупку земли и вследствие этого лишившимся возможности навсегда расширить свои наделы, так как земля продавалась затем владельцем выходцам со стороны, которые могли заплатить большую сумму денег, или евреям. Еще один пример неправильного отношения Крестьянского банка, по мнению печатного органа правых, – требование завышенной платы от крестьян за покупаемую землю, «чтобы они дорожили ее как купленную на свои кровные деньги». «Потребовать от крестьян такой огромной доплаты, которую они произвести не в состоянии, равносильно отказу в помощи при покупке. Даже больше, этот отказ выходит насмешкою, является лишним раздражением крестьян против издевающегося над ними государственного учреждения» [Там же], – заключало «Русское знамя». А «Вестник русского собрания» делал окончательный вывод, цитируя выступление В.И. Гурко на V съезде уполномоченных дворянских обществ: «Дальнейшая бессистемная скупка частновладельческих земель Крестьянским поземельным банком грозит разорением государству и выселением всего культурного слоя из сельских местностей. Закон 9 ноября 1906 г. без принятия решительных мер к расширению области применения народного труда сулит образование многочисленного класса безработного пролетариата» [30. С. 7].

Важная составляющая столыпинской аграрной реформы – переселенческая политика – получила безусловную поддержку и одобрение правых. Монархисты поддержали решение о передаче в распоряжение крестьян казенных, удельных, кабинетских земель и введении в оборот «впусте лежащих» земель Мугани и Голодной степи, регионов Сибири и Дальнего Востока. Поддержка эта объяснялась тем, что, во-первых, указ исходил от самого государя императора, а во-вторых, способствовал решению проблемы малоземелья крестьян в Центральной России. Поэтому, как утверждала «Земщина», «...центральное правительство, поддерживаемое правыми, стоит в переселенческом вопросе на верном пути, к вящей злобе левых, которые не могут раскрыть своих карт и сказать напрямик: мы против переселения, потому что оно отнимает возможность создать новую революцию... Вот почему “оппозиция Его Величества” старается прикрыть свой поход против переселения рядом доводов, имеющих с истиною очень мало общего» [31]. «Русское знамя», приводя примеры успешной передачи Удельным ведомством в распоряжение Крестьянского банка казенных земель, писало: «Где личная воля Царская действует, там и без всякой государственной думы все идет к лучшему. Отеческая любовь не нуждается в посторонних побуждениях: сама увидит, что нужно детям, и сама же отыщет и способы и средства, чтобы только сделать людей довольными» [32].

В ноябре 1909 г., подводя первые итоги нескольких лет колонизации, «Земщина» перечисляет проведенные правительством мероприятия по усилению и упорядочению переселенческого дела и объясняет незначительное повышение расходов бюджета на переселенческое дело в 1910 г. тем, что основные шаги, требующие больших

финансовых вложений, были осуществлены в предыдущие годы: «...раз начатые в таких широких размерах эти меры в дальнейшем разумеется входят в определенное русло, медленнее и менее заметно расширяющееся в сравнении с первыми годами возникновения. Этим и объясняется якобы незначительное (9,5%) повышение сметы 1910 г., а не крахом переселенческого дела, как злонамеренно объясняет «Речь» [33].

Проблемы, возникающие при устройстве переселенцев на местах, правые предлагали решать не повышением ссуд, выдаваемых переселенцам, считая это едва ли целесообразным и осуществимым ввиду значительных денежных затрат, которые потребовались бы ежегодно, а путем принятия мер, стесняющих приток неимущих и экономически беспомощных переселенцев. Поэтому правая печать приветствовала уже принятые и планируемые правительством меры по ограничению притока переселенцев, такие как отмена свободного переселения без предварительной посылки ходоков, организация группового ходачества со стороны землеустроительных комиссий и земств, отмена и ограничение бесплатного проезда и льготного тарифа, особо строгий подбор ходоков и др. [34].

Правая печать выражала глубокое удовлетворение работой переселенческих организаций: «Энергия переселенческих организаций направлена чрезвычайно плодотворно, и следует от души пожелать, чтобы все предпринимаемое переселенческим управлением и впредь отличались теми же положительными свойствами энергии, жизненности и чрезвычайной полезности, какими оно отличалось за последние годы» [35].

Правые, однако, не обошлись без некоторой критики отдельных сторон работы переселенческой организации, которая «не принимает никаких мер к устройству переселенцев» на местах, в частности в Семиречье, которое заливают переселенческая волна: «Точно вся масса русских крестьян может и должна существовать между небом и землей. Вполне естественно, что бедный переселенец походит, походит из уезда в уезд, из волости в волость, да и пристроится со своим семейством где-нибудь на земле. Но это “естественное пристроительство” вызывает далеко нежелательные недоразумения между переселенцами и местными киргизами» [36].

Трудности, возникшие в переселенческом деле, также явились поводом и для уничижительной критики правительства, которое плохо исполняет волю императора: «Но наше правительство заодно с интеллигентно-крамольным большинством третьей Думы хлопочет только о соискании одобрения иудейских газет и разноплеменной нашей интеллигенции; о нуждах и жизненных потребностях великого народа заботиться им недосуг... И, вместо ряда землемерных училищ для

колониционных неотложных нужд стомиллионного державного народа, правительство и Дума спешат строить для нужд, главным образом, этой интеллигенции Саратовский университет» [37].

Начиная с 1910 г. количество критических заметок в правой печати по поводу переселенческой политики правительства увеличивается. Так, по утверждению «Земщины», переселение в Семипалатинской области идет на ощупь, так как из отпущенных казной 13 тыс. руб. на работы по исследованию этого огромного края половина идет на содержание личного состава переселенческого управления. Еще одно препятствие для дальнейшего притока переселенцев в Павлодарский и Усть-Каменогорский уезды Семипалатинской области содержится в инструкции 1909 г., «по которой за киргизами должно быть сохранено не только громадное количество пастбищной земли, но и запасы пахотной на случай их перехода от кочевого образа жизни к земледельческому» [38]. «Последняя земля лежит поэтому совершенно втуне», – заключает печатный орган правых [Там же]. Неоднократно сообщает правая печать о нападениях шаек киргизов на русские поселки в Туркестане и на отсутствие помощи со стороны уездной администрации: «...но, увы, эта помощь на стороне их врагов киргизов. А тех, которые защищают свой посев и далекую окраину России, судят, как дерзких нарушителей закона и справедливости» [39].

Осуждая своих противников за критику переселенческих мероприятий, правые в то же время сами обвиняли правительство за недостаточное финансирование дела переселения: «Весь этот ужасающий и общеизвестный хаос в деле переселения, о котором с таким наслаждением и азартом завираются думские кадеты и социал-сибиряки, имеет своим главным и почти исчерпывающим объяснением именно непозволительно ничтожные сметные назначения по государственным нашим росписям на дело переселения» [40]. Таким образом, в лагере правых не было единства мнений относительно экономических преобразований П.А. Столыпина. В большинстве своем они стремились сохранить позицию благожелательного нейтралитета, отказав, однако, в признании положительных перспектив столыпинского экономического курса. Однако традиционное желание правых сохранить все по-старому неизбежно порождало критику мероприятий правительства, направленных на преобразование России. Постоянные нападки со стороны традиционалистов на реформаторскую деятельность кабинета министров, критика наиболее уязвимых аспектов реформ П.А. Столыпина сыграли, на наш взгляд, не последнюю роль в формировании негативного общественного мнения и, как следствие, в неприятии дворянским обществом столыпинского варианта модернизации России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Речь. 1906. 14 сентября.
2. Мирный труд. 1909. № 6.
3. Юрский Г. (Замысловский Г.Г.) Правые в Третьей Государственной Думе. Харьков, 1912.
4. Воронов Л.Н. Русский государственный бюджет. М., 1909.
5. Щербатов А.Г. Государственно-народное хозяйство России в ближайшем будущем. М., 1910.
6. Гурко В.И. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909.
7. Вестник русского собрания. 1911. № 9.

8. *Земщина*. 1909. 28 июня.
9. *Земщина*. 1910. 5 ноября.
10. *Земщина*. 1911. 1 января.
11. *Земщина*. 1911. 10 февраля.
12. *Лукьянов М.Н.* Российский консерватизм и реформа. 1907–1914 : дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2004.
13. *Леонтович В.В.* История либерализма в России (1762–1914). М., 1995.
14. *Вестник русского собрания*. 1910. № 9.
15. *Русское знамя*. 1907. 10 февраля.
16. *Русское знамя*. 1908. 6 июня.
17. *Вестник русского собрания*. 1910. № 12.
18. *Вестник русского собрания*. 1909. № 6.
19. *Земщина*. 1909. 3 июля.
20. *Государственная Дума*. Стенографические отчеты. Третий созыв. СПб., 1908. Ч. 1.
21. *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968.
22. *Русское знамя*. 1908. 11 апреля.
23. *Вестник русского собрания*. 1908. № 3.
24. *Русское знамя*. 1908. 12 февраля.
25. *Земщина*. 1911. 14 апреля.
26. *Русское знамя*. 1907. 1 февраля.
27. *Русское знамя*. 1907. 11 февраля.
28. *Русское знамя*. 1907. 21 октября.
29. *Русское знамя*. 1908. 25 апреля.
30. *Вестник русского собрания*. 1909. № 10.
31. *Земщина*. 1909. 1 сентября.
32. *Русское знамя*. 1907. 23 августа.
33. *Земщина*. 1909. 12 ноября.
34. *Земщина*. 1909. 13 ноября.
35. *Земщина*. 1909. 19 декабря.
36. *Земщина*. 1909. 11 июня.
37. *Земщина*. 1910. 3 марта.
38. *Земщина*. 1910. 12 июля.
39. *Земщина*. 1910. 30 сентября.
40. *Земщина*. 1910. 3 марта.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 декабря 2011 г.